

Из Вологодских воспоминаний.

А. В. Луначарский.

Между окончанием моего дела и административным приговором, пославшим меня на 3 года в Вологодскую губернию, прошло очень много времени. Более 2 лет. Последний период этого промежутка я жил под надзором полиции в Калуге. В Вологду я выехал после тяжелой болезни зимой 1902 г.

Как раз потому, что я приехал в этот засыпанный снегом городок, в тот день сиявший на солнце, выздоравливающим и еще пошатывающейся походкой сходил на перрон вокзала,—я воспринял новые Вологодские впечатления необычайно радостно. Я тогда физически воскресал и с особенным наслаждением впитывал в себя окружающее.

В Вологде я должен был найти не мало старых друзей, с которыми и повидался в первый же день. Тут был Александр Александрович Малиновский*), с которым мы жили и в Калуге и который только на несколько месяцев опередил меня в Вологде, тут было много Киевлян, много друзей и товарищей по тамошним с.-д. организациям: Тучапский, Крыжанский, Николай Рабчевский, Бердяев. Предстояли новые и новые интересные знакомства. В Вологде проживали в то время Александр Ремизов, Павел Алексеевич Шеголев, адвокат Жданов и Борис Савинков. Колония вообще была очень многочисленной и жила интенсивной, общественной и умственной жизнью. С вокзала я прямо попал на заседание Вологодского земства, где кадет Кудрявый, впоследствии довольно известный, делал, не лишённую яркости, оппозицию Правительству, а потом на какой-то доклад.

Вообще докладов читалось в то время в Вологде очень много. На первом плане блистал Николай Ал. Бердяев, только еще начавший переходить от идеалистически окрашенного марксизма, к сумеркам мистики, из которых нырнул прямо в ночь философского интерпретированного православия. Эту эволюцию Бердяева, конечно, замечали, но изящество его речи и широкая культурность подкупали ссыльных и крутившуюся вокруг них молодежь. Мне пришлось с первых же

*) А. А. Богданов, известный экономист и философ, автор многих книг по политической экономии, автор „Философии живого опыта“ и проч.—Ред.

рефератов выступить со всей резкостью именно против Бердяева. Сколько могу помнить, успех мой был очень велик и влияние Бердяева в нашей среде чрезвычайно ослабло. Сам Бердяев, несмотря на все мои приглашения приходил на мои рефераты и возражать мне, — туда не являлся. Велико, но на этот раз уже параллельно с моими собственными стремлениями, было влияние Богданова. Жил он тогда в Кувшинове, врачом при психиатрической лечебнице. Я тоже поселился там и на все собрания мы ездили из Кувшинова в Вологду, а к нам тогда постоянно приезжали гости.

Бедность давала себя чувствовать в колонии, но была дружная взаимная поддержка, так что в конце концов она не принижала нашего быта.

Еще менее принижала его та атмосфера сплетен и обывательщины, которая, как говорят, развивается в некоторых ссылках. Я не помню ничего подобного в Вологде того времени. Междупартийная борьба тоже не давала себя чувствовать слишком остро. Эсеры и с.-д. жили в добрых отношениях друг с другом и, если спорили, то чисто идейно. Вообще мои воспоминания о Вологодской ссылке компании окрашены, так сказать, в идиллический характер, и не потому, что их характер искажился в моих воспоминаниях, а потому, что они действительно такими были. Только японская война внесла кое какой неприязненный тон между нами всеми, ставшими сразу на точку зрения поражения (тогда никто этого стыдом не считал), и некоторыми товарищами, вроде Квитниной, в которой вдруг проснулся, непонятный нам, чисто нутряной патриотизм.

С окружающим обществом мы имели мало общего. Петр Петрович Румянцев, бывший тогда тоже в ссылке, занял должность заведующего статистикой и находился под своеобразным, несколько двусмысленным, покровительством председателя земства Кудрявого. Кудрявый считал социалистов прекрасными работниками, но и побаивался их, а также подрядчика их труда — Румянцева. Одним из помощников его состоял покойный Суворов Сергей Александрович. Кроме этой, официальной связи, было кое-какое влияние ссыльных на молодежь. В общем, между городским населением, сравнительно мало культурным и глубоко обывательским, и высоко квалифицированной ссылкой связи было очень мало. Губернатором в начале был Князев, человек либеральный, ссылку не тормозивший. Мы очень жалели об его отъезде. На его место назначен был, однако, Ладыженский, о котором тоже говорили, что он один из либеральных губернаторов. Это, вероятно, верно, так как позднее Ладыженский был даже избит черносотенцами во время Революции 1905 г. Но по отношению к нам он выказал себя с довольно скверной стороны. Может быть у меня возникло такое представление потому, что лично у меня вышел с ним тяжелый конфликт.

Газета „Северный Край“ пригласила меня своим корреспондентом из Вологды. В одной из корреспонденций я описал спектакль, устроенный на большом водочном заводе членами казенной палаты с кадетом Миквицем в главе. Этот спектакль я отмечал потому, что весь зрительный зал занят был высоко-поставленными служащими и их дамами. Рабочие и работницы вынуждены были простоять часа 4 на

ногах. Я с некоторой иронией отметил этот факт. „Хорош спектакль для рабочих“. Кадет Миквиц обиделся и донес на меня губернатору, а Ладыженский, ни минуты не задумываясь, решил выслать меня дальше на север, в какой-нибудь из уездов.

В уезд мне ехать не хотелось, тем более, что я только что перед тем женился на сестре Ал. Ал. Богданова и вовсе не хотел, ни сам отрываться, ни ее отрывать от родных и близких и от в общем высоко культурной Вологодской среды. Я поднял большой шум. Писал в печати в разные стороны. Ладыженский отменил свой приказ. Но в то время вышло у него, не помню какое, осложнение со всей нашей колонией. Собрались мы все и по предложениям моим (я говорил очень резко), и Бориса Савинкова, решили направить к Ладыженскому делегацию с некоторыми категорическими требованиями ссыльных. Помнится, делегация не была принята, но о резкой моей речи на предмет помпадурства Ладыженского было ему кем то донесено и он вновь постановил меня услать.

Ехать я отказался. Тогда меня послали этапом. Я поехал до города Кадникова. Там остановился и взял свидетельство о болезни. Прожил пару дней в Кадникове, получил заранее условленную телеграмму от жены, что она чувствует себя плохо,—и самовольно вернулся в Вологду. Ладыженский распорядился меня арестовать. Но так как ему было стыдно и перед ссыльными, и передо мной, тогда еще начинающим, но уже заслужившим некоторую известность, писателем, то арест принял довольно чудаческие формы. На целый день я отпущался из тюрьмы к моей жене и моим родным, а городской сидел в кухне и любезничал с кухаркой. Вечером в 8 часов меня отводили в тюрьму, где я ночевал до 10 часов следующего утра. Так продолжалось недели две, после чего я этапом выслан был в Тотьму.

Тотьма считалась на особом положении: город хороший и для ссылки удобный, но туда не посылали ни одного ссыльного, так как там была учительская семинария, в которой когда-то, в незапамятные времена, были беспорядки. С одной стороны это была как будто губернаторская любезность послать меня в хороший город, на большой реке, не очень далеко от Вологды, а с другой, как будто, и наказание, ибо там я должен был быть один, как перст.

Однако, не то мне, не то Ладыженскому и здесь не повезло. Оказалась какая-то неприятность с моими бумагами и я опять застрял в Кадникове. Несмотря на все мое желание доставить удовольствие Ладыженскому и приехать еще раз самовольно в Вологду—этого мне сделать не удалось. Кадниковские власти при такой моей попытке посадили меня в Кадниковскую тюрьму, где я и прожил два, или три дня в очень приятном обществе. Со мной жили три арестанта, из которых один убил брата, а два других—отца. Между прочим, все они были добродушнейшими крестьянами. Добродушие их не помешало, однако, тому, что я заразился от них тяжелой чесоткой, которая преследовала меня после того довольно большое количество времени. Наконец я выехал в Тотьму, в страшную распутицу, ехал с каким-то урядником с быстротой похоронной процессии, так что те 150 или 200 верст, которые отделяют Кадников от Тотьмы, мы ехали целую вечность. Чесотка моя за это время приобрела ужасающие размеры и

закончилась тем, что при приезде в Тотьму я заболел рожей. Разные симптомы заставили думать местного врача, что у меня заражение крови и приговорить меня к смерти. На самом деле я довольно быстро оправился, особенно благодаря уходу жены, которая поспешила в догонку в Тотьму. *

Мои Тотемские воспоминания еще приятнее Вологодских. Их тоже портит только администрация. Тотьма очаровательный, узорный городок, с церквями в стиле Рококо, на берегу громадной реки, за которой тянутся темные леса. Недалеко от города лежит монастырь, где жил какой-то чудотворец, куда можно ездить на санях, сквозь серебряные зимние леса, и где дают хлеб, квас и уху, каких я ни до, ни после, никогда не едал. Это было нашей любимой прогулкой. Я очень дорожил тем, что в Тотьме буду иметь очень много времени для чтения и литературных занятий, и действительно я развернул сразу большую работу, пиша в „Образовании“ и „Правде“, двух наиболее передовых тогдашних журналах, имевших довольно заметный марксистский уклон. Там же я написал и первые мои книги изложения философии Авенариуса и первый сборник „Очерки критические и полемические“. Там, наконец, написаны мной были, по инициативе тов. Суворова, мои „Очерки позитивной эстетики“.

В начале мне помогало жить, и мешало работать, местное общество. Городок маленький, но не совершенно пустынный. Было несколько чиновников, врач, один очень культурный аптекарь. Был клуб, любительская труппа. Все это понемногу стало вращаться вокруг нас, т. е. меня и моей жены. Начались связи (чего так опасался губернатор) и с учительской семинарией. Молодые учительницы и учителя средних учебных заведений потянулись к нам. Я начал подумывать о возобновлении моих публичных докладов. Но бывший Вологодский полицмейстер, кажется, Трояновский*), с которым у меня уже были крупные столкновения в Вологде, назначен был исправником в Тотьму. Немедленно он обратил свое неблагоприятное внимание на роль, которую я стал играть, заставил клуб вычеркнуть меня из числа членов и обратился ко мне с просьбой не посещать клуба, накричал на всех, кто ко мне ходил в гости, всем грозил и всех напугал. Бедные обыватели конфузились при встречах и не знали, можно ли кланяться. Если кланялись, то оглядывались, не видит ли какой-нибудь городской. Верной мне осталась только одна семья статистика Васильева, ныне покойного. Он и его жена, Эмилия Орестовна Васильева (сейчас Морозова), сделались нашими закадычными приятелями и мы вместе коротали те два года, которые прожили в Тотьме. Однако, это уединение не оказалось ни в малейшей мере удручающим. Чудесная северная природа, чудесные книги и немногие, но искренне любившие нас друзья, а главное дело, безоблачно счастливая семейная жизнь—все это создавало предпосылку для существования глубоко содержательного и, как мне кажется, сказалось в тогдашних моих многочисленных статьях, имевших, если не ошибаюсь, большой успех среди читающей публики. По крайней мере, меня на перерыв звали во всякие журналы, издательства делали мне предложения. И вообще в

*) Здесь А. В. Луначарский ошибается. Фамилия этого полицмейстера—Траковский. Р е д.

Тотьме мы не чувствовали себя оторванными от всей общественной жизни страны. Тяжелым событием была только болезнь моей жены, которая слегла в тифу в последний месяц беременности, так что мы потеряли нашего первого ребенка. За исключением этого черного облака, я вспоминаю Тотьму, как какую-то зимнюю сказочку, какую-то декорацию для „Снегурочки“, среди которой был наш „домик на курьих ножках“, с платой рубля $3\frac{1}{2}$ —3 за три комнаты, с невероятной дешевизной, вроде 10 коп. за зайца с шкуркой и т. п., и с постоянным умственным напряжением за чтением все вновь и вновь получавшихся книг и приведением в порядок своего мирозерцания, за спорами, отчасти и за поэтическим творчеством. Я перевел там, изданную „Образованием“ драму Ленау—„Фауст“, с большим предисловием, передававшим с многочисленными цитатами другие поэмы того же поэта и переписал несколько сказок, напечатанных в „Правде“.

В конце 1904 года мой срок истек и на большом пароходе по Сухоне мы поехали в Вологду, а оттуда на юг в Киев и дальше за границу.

Таковы мои воспоминания о Вологде и Вологодской губернии.